

DOI: 10.17805/zpu.2015.3.21

Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности (на примере работников бюджетной сферы)*

Т. П. ЕМЕЛЬЯНОВА, Т. В. ДРОБЫШЕВА
(Институт психологии РАН)

В статье излагаются программа и результаты исследования структуры и функций социальных представлений о бедности у работников бюджетной сферы России.

В исследовании участвовали 199 человек в возрасте от 30 до 60 лет, их сферы деятельности — образование, культура, медицина. Все респонденты — жители г. Москвы. Были использованы шкалы для выявления содержания и структуры социальных представлений, модифицированный вариант методики «Психологическая дистанция» Д. Фелдеса, «Методика ценностных ориентаций» Е. Б. Фанталовой и «Субъективная шкала счастья» С. Любомирской.

Согласно результатам исследования ядро социальных представлений о бедности в группе работающих взрослых включает только четыре элемента, указывающих на понимание бедности как относительной категории. Элементы, вошедшие в периферию, близкую к ядру социального представления, отражают собственно эмоциональные переживания бедности респондентами. Наиболее распространенной является атрибуция ответственности за бедность, отнесенная вовне к сложившимся обстоятельствам. Короткая психологическая дистанция, которую выстроили наши среднеобеспеченные респонденты в своем сознании относительно группы бедных, указывает на то, что они не пытаются вытеснить из сознания саму возможность оказаться в категории бедных. Интерпретация бедности, сконструированная респондентами, выполняет несколько психологических функций — это функции самоподтверждения и защитная функция, выражающиеся через утверждение того, что сами респонденты не относятся к категории бедных и обездоленных благодаря своей профессиональной занятости, старанию и трудолюбию. Кроме того, обнаруживается и функция обоснования саморепрезентации.

Наши респонденты — люди, в силу профессиональной принадлежности ориентированные на гуманистическое мировоззрение. Эта функция проявляется как в акцентировании множества жизненных проблем, связанных с бедностью: унижение, дискомфорт, тяжелые испытания и др., так и в общей оценке этого явления — «Бедность — не порок», преобладающей в ядре социальных представлений. Нравственный модус репрезентации бедности — яркая черта выявленных репрезентаций.

Ключевые слова: бедность, социальные представления, психологическая дистанция, атрибуция ответственности, психологические функции.

ВВЕДЕНИЕ

Имущественное расслоение российского общества породило целый ряд проблем, связанных с интерпретацией в обыденном сознании различных групп общества сложившегося неравенства. Социальное сравнение как один из механизмов категоризации групп и их имущественного состояния провоцирует выделение такой социальной категории, как бедные. По объективным показателям Росстат определил черту бедности в 7915 руб. среднедушевого месячного дохода. В то же время на основании результатов массовых опросов исследователи ИС РАН назвали три основ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект «Конструирование социальных представлений о бедности в изменяющемся обществе», грант № 13-06-00063). The article is written within the framework of the project “Constructing social representations about poverty in the changing society” (grant from the Russian Foundation for the Humanities, No. 13-06-00063).

ных признака бедности: невозможность обеспечить нормальное питание, недоступность платной медицинской помощи, даже когда это жизненно необходимо, плохие жилищные условия (Бедность и неравенства в современной России ... , 2013: Электронный ресурс).

Социологи утверждают, что даже если среднедушевой доход в 1,5–2 раза выше прожиточного минимума, этот человек тоже бедный. При этом способе расчета получается, что 41,4% россиян живут за чертой бедности. Как показало исследование, среди бедных 14% — семьи с двумя детьми, больше 50% — с тремя и более. По данным исследования, более 80% тех, чья бедность длится больше трех лет, становятся хроническими бедняками. Самостоятельно выбраться из бедности они не смогут, их дети не получат хорошего образования. Бедность будет передаваться из поколения в поколение. Ситуация усугубляется тем, что в последние годы появилась социальная категория «новые бедные», к которой относятся работающие люди, получающие низкую заработную плату. К ним относятся некоторые категории медицинских работников, педагогов, научных работников, сотрудников музеев, библиотек и другие группы населения. Тем парадоксальнее выглядят результаты социологических опросов, касающихся отношения к бедным.

Бедность как таковая в восприятии россиян вызывает все меньше сочувствия бедным людям, отношение к которым формируется исходя из особенностей причин их бедности (там же). Почти 30% респондентов массового опроса уверены, что среди причин главные — это распространенность в среде бедных людей пьянства и наркомании (60%). Кроме того, упоминаются хамство, грубость, нецензурная брань (10%), плохое воспитание собственных детей и невнимание к ним (6%), проституция (4%) и т. д. Таким образом, отчетливо прослеживаются признаки стигматизации бедных в российском обществе, формирования их образа как низшего слоя, отличающегося от остального населения страны не только уровнем доходов, но и своими поведенческими характеристиками.

Примечательно, что сами российские бедные демонстрируют установку не на глубокие и всеобъемлющие перемены, а на стабильность. Больше того, несмотря на негативные оценки бедными отдельных сторон жизни общества, две трети их представителей выражают поддержку действующей власти (там же). За последние десять лет интерес бедных слоев населения к событиям и процессам политической жизни снизился более чем в два раза (с 29% до 12%). При этом неудовлетворенность своим положением и представления о несправедливо высоком разрыве между бедными и богатыми у большинства малообеспеченных людей переносятся на других, иногда в виде неприязни, поиска «внешнего врага». Причем такой перенос осуществляется не только на более состоятельные группы, но и на менее защищенные, в том числе на приезжих, мигрантов (Бондаренко, 2011: 55).

В России, по оценкам респондентов, существует довольно выраженная неприязнь между различными социальными группами (между богатыми и бедными, между теми, кто наверху социальной лестницы и внизу, между наемными работниками и руководителями) (там же: 58). Как показало кросскультурное сравнение, проведенное Н. Бондаренко по материалам научных источников (Бондаренко, 2011), точку зрения, что государство должно сокращать неравенство между богатыми и бедными, поддерживают как россияне, так и жители ряда стран Восточной Европы (Венгрия, Словения, Польша) (там же). Работы по изучению отношения к бедности и бедным не единичны (см., напр.: Бойко, 2002; Бондаренко, 2011; Емельянова,

2006; Журавлев, Дробышева, 2011; Муздыбаев, 2001; Хашченко, Шибанова, 2005; Ярмиев, 2008).

В нашем исследовании мы исходили из предположения, что содержание и структура социальных представлений о бедности функционально связаны с типичными социально-психологическими чертами личности представителей большой группы. А именно самодетерминация в трактовке бедности у людей, работающих в бюджетной сфере, раскрывается через связи с психологической дистанцией, которую они выстраивают между собой и бедными людьми. Значительную роль здесь играет удовлетворенность людей своим материальным положением или их самоощущение как счастливого или несчастливого человека.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования: провести структурно-функциональный анализ социальных представлений (СП) о бедности у работников бюджетной сферы.

Задачи:

1. Проанализировать структуру СП о бедности в группе бюджетных работников. Описать содержание ядра и периферии СП.

2. Выявить взаимосвязь между элементами СП респондентов о бедности и их самооценками по шкале «счастье» и ценностными ориентациями.

3. Проанализировать связь между элементами СП и оценками респондентов психологической дистанции с бедными людьми.

4. Обнаружить связь между элементами СП о бедности и оценками своего уровня материального благополучия, удовлетворенностью им.

Использованные методики. С целью изучения СП в обыденном сознании бюджетных работников были использованы шкалы для выявления содержания и структуры СП. Шкалы содержали 20 утверждений, составленных на основе поискового этапа исследования, которые нужно было оценить по 5-балльной шкале Р. Лайкерта. Кроме того, в исследовании использовались: модифицированный вариант методики «Психологическая дистанция» Д. Фелдеса (модификация Т. П. Емельяновой, Т. В. Дробышевой); «Методика ценностных ориентаций» Е. Б. Фанталовой, и «Субъективная шкала счастья» С. Любомирской. С помощью анкеты выявляли социально-демографические характеристики респондентов, уровень их материального благополучия, удовлетворенность им, уровень дохода семьи. Полученные в ходе исследования данные были обработаны с помощью методов статистического анализа с использованием программы SPSS 22.0. При обработке использовались частотный анализ, коэффициент позитивных ответов Ж.-К. Абрика, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, критерий Краскела — Уоллиса; принятый уровень значимости $p < 0,05$.

Гипотезы:

1. Содержание ядра СП о бедности в группе бюджетных работников указывает на понимание ими этого явления как относительной бедности.

2. Самодетерминация в понимании бедности у группы бюджетных работников раскрывается через связи с психологической дистанцией, которую они выстраивают между собой и бедными людьми.

3. СП о бедности в большей степени связаны с удовлетворенностью людей своим материальным положением, их самоощущением как счастливого или несчастливого человека и в меньшей степени — с объективным экономическим статусом.

4. Ядерные элементы исследованных СП образуют большее число связей с системой ценностных ориентаций респондентов, чем элементы периферии, что указывает на субъективную ценность представлений о бедности в группе бюджетных работников.

Выборка. В исследовании участвовали работающие взрослые в возрасте от 30 до 60 лет, в количестве 199 чел. Все респонденты — москвичи, работники бюджетной сферы (образование, культура, медицина). Выборка респондентов отражает генеральную совокупность: 58% респондентов состоят в браке, остальные разведены либо не состояли в браке; 39% из них не имеют детей (либо дети взрослые и проживают отдельно), 29,6% воспитывают одного ребенка, 27,6% — двух детей, остальные имеют трех детей. Свыше 68% респондентов проживают в полных семьях и воспитывают от одного до трех детей, остальные живут в неполных семьях (мать и ребенок). Примечательно, что 25% респондентов проживают со своими родителями. Средний доход семьи на человека — 30 000 руб.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Из данных табл. 1 (с. 254) видно, что ядро СП о бедности в группе работающих взрослых включает только четыре элемента, причем указывающих на понимание бедности как относительной категории. Значения коэффициента Абрика демонстрируют невысокую степень значимости данных суждений по сравнению, к примеру, с малообеспеченными пенсионерами (Емельянова, Дробышева, 2014), для которых сама бедность представлялась как абсолютная, на грани выживания и унижения. Интересно, что содержание данного компонента не включает эмоционально окрашенные элементы. При этом все элементы ядра связаны между собой на 10%-ном уровне достоверности.

Элементы, вошедшие в периферию, близкую к ядру СП, отражают собственно эмоциональные переживания бедности респондентами. Положение этих элементов в структуре СП (не ядерное) указывает на более низкий уровень эмоционального переживания проблемы бедности нашими респондентами (по сравнению с малообеспеченными пенсионерами или молодежью, см.: Емельянова и Дробышева, 2013, 2014). «Страшно жить, убогость души, унижение, испытания, которые нужно терпеть и переживать и т. п.» — ключевая тема эмоционального компонента репрезентаций бедности в сознании респондентов. Все элементы также связаны между собой на 5%-ном уровне достоверности.

Большинство респондентов, выстраивая психологическую дистанцию, субъективно не отстраняются от бедных людей (35,7% респондентов). Они отмечают, что могут пригласить к себе в гости бедного человека (31,7%), провести с ним свободное время (21,6%). То есть почти 90% всех респондентов продемонстрировали близкую дистанцию с бедным. Для данных людей бедные — это не аутгруппа. Причем, если среди элементов, вошедших в ядро СП, только один элемент «Бедность — не порок» положительно связан с составляющими психологической дистанции «Я не провожу различий между ним и обеспеченными людьми» ($r = 0,27; p = 0,000$) и «Я бы мог пригласить его к себе в гости» ($r = 0,26; p = 0,000$), то элементы периферии СП образуют большее число связей с психологической дистанцией (табл. 2, с. 255).

Сопоставляя эти результаты с результатами, полученными на группах неработающих пенсионеров и студентов (см.: Емельянова, Дробышева, 2013, 2014), можно увидеть, что в группе бюджетных работников дистанция с бедным человеком ближе. Воз-

Таблица 1

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕДНОСТИ
В ГРУППЕ РАБОТАЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ

Tabl. 1

THE STRUCTURE OF THE SOCIAL REPRESENTATIONS OF POVERTY
IN THE GROUP OF WORKING ADULTS

<i>Представления</i>	<i>Коэфф. Абрика</i>
<i>Ядро представлений</i>	
Бедность — это не порок	66,8
Бедность — это дискомфорт	65,9
Бедность — невозможность комфортно жить в обществе	55,6
Бедность — отсутствие денег	54,5
<i>Периферия, близкая к ядру</i>	
Бедность — это положение, в которое попадает человек из-за неблагоприятной ситуации	43,3
Бедность — это когда появляется много испытаний, которые нужно терпеть и преодолевать	41,7
Бедность — это когда нечего есть	40,7
Бедность — это когда страшно жить	38,7
Если человек ленивый, он неизбежно придет к бедности	36,7
Бедность — это унижение	33,7
Бедность — это неспособность жить по средствам, которые имеешь	25,6
Бедность — это отсутствие теплых взаимоотношений	21,6
Бедность — это убогость души	21,1
<i>Периферия</i>	
Бедность — это положение, в которое попадает человек по собственной вине	19,6
Бедность — это жизненная позиция	18,1
Бедность — это отсутствие ответственности	16,6
Бедность — это отсутствие забот, стремлений, полное спокойствие	10,5
Бедность — это болезнь	10
Бедность — это удел добрых и мягких людей	10

можно, факт занятости (наличие работы) снижает остроту переживаний проблемы бедности в сознании респондентов, придает им уверенности в завтрашнем дне. Однако личностная атрибуция статуса бедного обусловлена не только наличием работы, но и близостью психологической дистанции, которую они выстраивают с ним. По всей видимости, в представлениях участников исследования именно возможность и желание обеспечить себя и свою семью ограждают человека от статуса бедного.

Одна из гипотез включала предположение, что СП о бедности связаны с оценками материального благосостояния своих семей респондентами, их удовлетворенностью его уровнем, восприятием себя как счастливого человека. Результаты показали, что

Таблица 2

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУЖДЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИФЕРИИ СП
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ

Tabl. 2

RELATIONSHIP JUDGMENTS RELATED TO PERIPHERAL COMPONENT OF SR
AND PSYCHOLOGICAL DISTANCE

Элементы СП / составляющие психологической дистанции	Я не провожу различий между ним и обесеченными людьми	Я мог бы пригласить его к себе в гости	Я мог бы провести с ним свободное время
Бедность — это положение, в которое попадает человек по собственной вине	—	-0,21**	—
Бедность — это жизненная позиция	-0,19**	-0,22**	-0,24**
Бедность — это отсутствие ответственности	—	-0,24**	-0,19**
Бедность — это отсутствие забот, стремлений, полное спокойствие	—	-0,28**	-0,19**
Бедность — это болезнь	—	-0,23**	—
Бедность — это удел добрых и мягких людей	-0,14*	—	-0,18

Примечание: * — слабые корреляционные связи, ** — связи средней силы.

среди элементов ядра СП связь с оценками уровня материального благосостояния (но не удовлетворенностью им) образуют следующие элементы: «бедность — это дискомфорт» ($r = 0,24$; $p = 0,001$) и «бедность — это невозможность комфортно жить в обществе» ($r = 0,18$; $p = 0,013$).

Характерно, что элементы, образующие периферию, близкую к ядру, которые во многом характеризовали эмоциональные переживания проблемы бедности, образуют связи как с оценками уровня материального благосостояния семьи, так и с оценками удовлетворенности этим уровнем. К примеру, суждение о том, что «бедность — это убогость души», коррелирует с оценками уровня благосостояния ($r = 0,18$; $p = 0,012$) и удовлетворенности им ($r = 0,26$; $p = 0,000$). Связи с оценками уровня благосостояния ($r = 0,14$; $p = 0,04$) и удовлетворенности ($r = 0,17$; $p = 0,014$) образует и элемент «бедность — это когда появляется много испытаний, которые нужно терпеть и преодолевать». То есть чем выше оценки уровня материального благосостояния и удовлетворенность им, тем выше уверенность в том, что совладать с бедностью нужно посредством психологических ресурсов самого человека.

Как показало одно из наших предыдущих исследований, эта идея конструируется и СМИ (см.: Емельянова, Дробышева, 2013). В настоящей работе данное предположение подтверждается связью оценок удовлетворенности респондентов своим материальным положением и других элементов СП, включенных в периферию, близкую к ядру: «если человек ленивый, то он неизбежно придет к бедности» ($r = 0,14$; $p = 0,004$), «бедность — это то, что человек сам думает о своем положении» ($r = 0,15$; $p = 0,034$).

Заметим, что подобное понимание пути самостоятельного преодоления бедности прослеживается и в содержании периферического компонента СП о бедности. Здесь обнаружена связь между удовлетворенностью уровнем материального благосостояния и пониманием того, что «бедность — это отсутствие забот, стремлений, полное спокойствие» ($r = 0,21$; $p = 0,004$) и «бедность — это жизненная позиция» ($r = 0,20$; $p = 0,004$), а также между самооценками уровня благосостояния и уверенностью в том, что «бедность — это положение, в которое попадает человек по своей вине» ($r = 0,15$; $p = 0,04$).

Элементы ядра СП образуют связь с восприятием себя как счастливого человека «бедность — это не порок» ($r = 0,22$; $p = 0,002$) и «бедность — это отсутствие денег» ($r = -0,14$; $p = 0,04$). Чем выше самооценки по шкале счастья, тем выше уверенность в том, что бедность — не порок и что бедность связана с отсутствием денег. Несмотря на то что выборка респондентов включает только бюджетных работников разных сфер деятельности, наличие работы здесь играет роль поддержания стабильности эмоционального состояния. Данный факт подтверждается и наличием негативных связей элементов периферии, близкой к ядру СП, с самооценками по шкале счастья: «бедность — это унижение» ($r = -0,15$; $p = 0,03$); «бедность — это убогость души» ($r = -0,14$; $p = 0,04$); «бедность — это неспособность жить по средствам» ($r = -0,21$; $p = 0,003$). То есть переживание негативных эмоций отрицательным образом связано с самооценками счастья. Эти результаты могут трактоваться в терминах оптимистичности / пессимистичности человека. В нашем случае преобладание у респондентов оптимистичного настроения снижает негативные переживания относительно бедности. Таким образом выполняется функция коупинга в процессе конструирования респондентами СП о бедности.

В предыдущих работах нами были выявлены факты ценностной детерминации конструирования СП о бедности (Емельянова, Дробышева, 2013, 2014). В частности, было обнаружено, что в группах малообеспеченных россиян в конструировании СП о бедности в качестве «внутренних факторов» участвуют как более, так и менее значимые в ценностной структуре ценностные ориентации респондентов. Причем наибольшее число связей с ценностными ориентациями образовывали те элементы СП, которые имели наиболее высокую значимость в сознании малообеспеченных людей. Наряду с этим наблюдалась следующая тенденция: наиболее значимые элементы ядра СП образуют большее число связей (по совокупности) с ценностной системой, чем менее значимые элементы периферии. А именно на предыдущих этапах исследования мы обнаружили, что элементы ядра СП не только обладают значимостью, но и ценностно «нагружены» в сознании респондентов. В настоящем исследовании были подтверждены выявленные тенденции.

Так, элемент ядра СП «бедность — не порок», имеющий максимальную значимость (коэффициент Абрика = 66,8) в сознании респондентов, имел максимальное в данной группе число связей с ЦО (пять связей) (см. табл. 3). В целом в сознании бюджетных работников 12 из 20 элементов СП о бедности образовали связи с 10 из 12 ценностных ориентаций (ЦО). То есть практически вся система ценностей была связана с элементами СП. Динамика снижения числа связей от ядра до периферии выглядит следующим образом: все четыре элемента ядра СП образовали девять связей с семью ЦО; шесть из десяти элементов периферии, близкой к ядру СП, образовали семь связей с шестью ЦО; три из шести элементов периферии образовали три связи с двумя ЦО. Примечательно, что наибольшую активность в процессе конструирования СП

Таблица 3

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭЛЕМЕНТОВ СП О БЕДНОСТИ И ЦО РЕСПОНДЕНТОВ
(ПО КРИТЕРИЮ СПИРМЕНА, ПРИ $P < 0,05$ И $P < 0,001$)

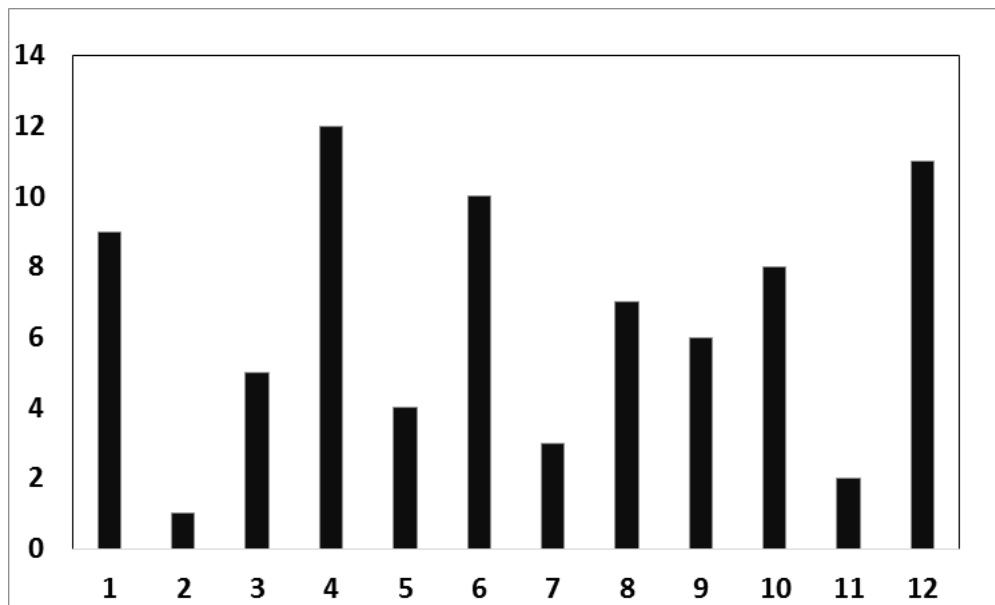
Table 3

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ELEMENTS OF SR ON POVERTY AND VALUE ORIENTATIONS
OF THE RESPONDENTS (BY THE SPEARMAN, $P < 0,05$ AND $P < 0,001$)

Суждения СП / ЦО	Счастливая семейная жизнь	Интересная работа	Любовь	Наличие хороших и верных друзей	Познание	Свобода	Материально обеспеченная жизнь	Творчество	Уверенность в себе	Красота природы и искусства
Бедность — это не порок	0,16	0,15	0,19	0,22	0,15	—	—	—	—	—
Бедность — это отсутствие денег	0,15	—	—	—	—	—	0,23	—	—	—
Бедность — это дискомфорт	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,15
Бедность — это невозможность комфортно жить в обществе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,19
Бедность — это когда нечего есть	—	-0,22	—	—	—	-0,16	—	-0,20	—	—
Бедность — это убогость души	-0,15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бедность — это положение, в которое человек попадает по собственной вине	—	—	—	—	-0,15	—	—	—	—	—
Бедность — это неспособность жить по средствам, которые имеешь	—	—	—	—	—	—	—	0,19	—	—
Бедность — это отсутствие теплых взаимоотношений	—	—	—	—	—	—	—	0,15	—	—
Бедность — отсутствие забот, стремлений, полное спокойствие	-0,20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бедность — отсутствие ответственности	-0,16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бедность — удел добрых и мягких людей	—	-0,18	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание: в таблице выделены жирным шрифтом элементы ядра, наклонным — элементы периферии, близкой к ядру, без выделения — элементы периферии. Жирным выделены значения коэффициента Спирмена на 10%-ном уровне значимости.

о бедности обнаружили ценности «счастливая семейная жизнь» и «творчество» (по четыре связи), а также «интересная работа» и «познание» (по три связи), которые имеют различную степень важности в ценностной структуре респондентов (см. рис.). Однако, сопоставляя это с данными, полученными на группах малообеспеченных пенсионеров, следует отметить, что в группе бюджетных работников уровень ценностной детерминации ниже, возможно, в связи с незначительно выраженным эмоциональным компонентом исследованных СП.

Примечание: по вертикали — ранги, максимальный ранг — 1; по горизонтали — ЦО. 1. Активная, деятельная жизнь. 2. Здоровье. 3. Интересная работа. 4. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве). 5. Любовь. 6. Материально обеспеченная жизнь. 7. Наличие хороших и верных друзей. 8. Уверенность в себе. 9. Познание (возможность расширения своего образования и кругозора). 10. Свобода как независимость в поступках и действиях. 11. Счастливая семейная жизнь. 12. Творчество.

Рис. Ранговая структура системы ценностных ориентаций бюджетных работников
Fig. The rank structure of the value orientations system of public employees

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

В данной работе были исследованы механизмы самодетерминации, т. е. субъективной обусловленности конструирования СП о бедности в группе бюджетных работников. Результаты показали, что содержание ядерной части исследованных представлений обусловлено близостью психологической дистанции с бедными людьми в сознании респондентов. Также важным фактором конструирования проблемы бедности в обыденном сознании наших респондентов является их самооценка по шкале «счастье» и удовлетворенность своим материальным благосостоянием. Обнаружено, что значимость суждений, отнесенных к ядру СП, обусловлена их ценностной обусловленностью. Элементы ядра раскрывают содержательную «сердцевину» и в наиболь-

шей степени разделяемый смысл СП в данной социальной группе. В случае наших респондентов со средним достатком бедность — это дискомфорт в плане социального сравнения, это мышление в рамках оппозиции комфорт / дискомфорт, т. е. трактовка бедности как негативного явления относительно некой «нормы» в общественном смысле.

Почти все суждения о бедности эмоционального характера были сосредоточены (по значению коэффициента Абрика) на периферии, близкой к ядру. Содержание данного компонента воплощалось в эмоциональном переживании проблемы бедности и ориентации на ее самостоятельное преодоление. Надежных результатов относительно атрибуции ответственности за бедность не получено, так как присутствующие в периферической части СП указания на личностную атрибуцию состояния бедности могут трактоваться лишь как индивидуальные, слабо разделяемые трактовки в СП. Более распространенной является атрибуция ответственности, отнесенная вовне к сложившимся обстоятельствам: «Бедность — это положение, в которое попадает человек из-за неблагоприятной ситуации» (это наиболее близкий к ядру элемент СП).

«Концепция» бедности, выстроенная нашими респондентами, выполняет несколько психологических функций. Прежде всего, это защитная функция и функция самоподтверждения, выражающиеся через утверждение того, что сами респонденты не относятся к категории бедных и обездоленных благодаря своей профессиональной занятости, старанию и трудолюбию. В их трактовке бедные — это люди, которые не трудятся в полную силу: «Если человек ленивый, он неизбежно придет к бедности» — элемент СП, близкий к ядру. Между тем короткая психологическая дистанция, которую выстроили наши среднеобеспеченные респонденты в своем сознании относительно группы бедных, указывает на то, что они не пытаются вытеснить из сознания саму возможность оказаться в категории бедных, наоборот, ищут внутренние ресурсы в преодолении бедности, ориентируясь на ценность счастливой семейной жизни, интересной работы и на ценность творчества. Наши респонденты — медики, работники образования и культуры — конструируют СП о бедности, которое выполняет еще и функцию саморепрезентации как людей с гуманистическим, нравственно ориентированным мировоззрением. Это проявляется как в акцентировании множества жизненных проблем, связанных с бедностью: унижение, дискомфорт, тяжелые испытания и др., так и в общей оценке этого явления — «Бедность — не порок», преобладающей в ядре СП. Нравственный модус репрезентации бедности — яркая черта выявленных репрезентаций.

Результаты нашего исследования не совпадают в полной мере с выводами об отношении россиян к бедности, сделанными социологами на основе массовых опросов. Нравственно оправдательные репрезентации, базирующиеся на понимании трудностей жизни в бедности, большая, чем в массовых опросах терпимость к этому явлению со стороны наших респондентов, вероятно, объясняются их профессиональной принадлежностью и соответственно гуманистическим мировоззрением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М. — 2013 (2013) [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html (дата обращения: 12.05.2015).

Бойко, О. В. (2002) Репрезентация социальных проблем в российской прессе 90-х годов // Социологические исследования. № 8. С. 120–128.

Бондаренко, Н. (2011) Россияне о бедности и богатстве, доходной и социальной дифференциации (по материалам российских опросов и сравнений с другими странами) // Вестник общественного мнения. № 2 (108). С. 53–65.

Емельянова, Т. П. (2006) Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 400 с.

Емельянова, Т. П., Дробышева, Т. В. (2013) Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. Т. 31. № 5. С. 25–41.

Емельянова, Т. П., Дробышева, Т. В. (2014) Является ли бедность социальной проблемой для россиян: анализ материалов СМИ и результатов массовых опросов населения // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 51–60.

Журавлев, А. А., Дробышева, Т. В. (2011) Представления о бедном и богатом человеке как феномен экономического сознания формирующейся личности // Психологический журнал. Т. 32. № 5. С. 46–68.

Муздыбаев, К. (2001) Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. № 1. С. 4–25.

Хашченко, В. А., Шибанова, Е. С. (2005) Представления о богатстве и бедности в различных социально-экономических условиях жизни: региональный аспект // Проблемы экономической психологии: в 2 т. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». Т. 2. 644 с. С. 476–510.

Ярмиев, М. З. (2008) Репрезентация бедности как социальной проблемы в российских СМИ // Социологические исследования. № 4. С. 67–72.

Дата поступления: 10.06.2015 г.

*STRUCTURAL AND FUNCTIONAL APPROACH
TO THE ANALYSIS OF SOCIAL REPRESENTATIONS OF POVERTY
(THE CASE OF PUBLIC SECTOR EMPLOYEES)*

*T. P. EMELIANOVA, T. V. DROBYSHEVA
(INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)*

The article presents the program and the outcomes of a study of the structure and function of social representations of poverty among Russian public sector employees.

The study involved 199 people aged 30 to 60, working in the fields of education, culture and medicine. All respondents were residents of Moscow. To identify the content and structure of social representations, we used a modified version of the psychological distance method (D. Feldes), Methods of value orientations (E.B. Fantalova) and the Subjective Happiness Scale (S. Lubomirska).

According to the study outcomes, the research nucleus of social representations of poverty in the group of working adults only includes four elements that indicate an understanding of poverty as a relative category. The elements included in the periphery close to the core of social representations reflect the actual emotional experience of poverty by respondents. The most common of them is attributing of responsibility for the state of poverty to outward circumstances. Short psychological distance that our middle-class respondents have in their minds vis-à-vis the poor, indicates that they are not trying to rule out their own possible descent into poverty. The interpretation of poverty as constructed by our respondents performs several psychological functions, such as self-assertion and protection, expressed in terms of asserting that it is their professional employment, diligence and hard work that keeps them away from the category of the poor and disadvantaged. Another function it performs is to form the basis of self-representation.

By virtue of their professional affiliation our respondents tend to have a humanist worldview. This is revealed in the emphasis on the vital problems associated with poverty: humiliation, discomfort, hardships suffered, etc., and in the overall acceptance of the dictum “Poverty is no crime», which pre-

vails in the core of their social representations. Yet another prominent feature of the identified representations is the moral mode of representing poverty.

Keywords: poverty, social representations, psychological distance, attribution of responsibility, psychological functions.

REFERENCES

Bednost' I neravenstva v sovremennoi Rossii: 10 let spustia. Analiticheskii doklad [Poverty and inequalities in modern day Russia: 10 years later. An analytical report]. (2013). *Institut psikhologii RAN* [on-line] Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf (accessed 23.12.13). (In Russ.).

Boiko, O. V. (2002) *Reprezentatsia sotsial'nykh problem v rossiiskoi presse 90-kh godov* [The representation of social problems in the Russian press 90s]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 120–128. (In Russ.).

Bondarenko, N. (2011) *Rossiiane o bednosti i bogatstve, dokhodnoi i sotsial'noi differentsiatsii (po materialam rossiiskikh oprosov i sravnenii s drugimi stranami)* [Russians on poverty and wealth, income and social differentiation (based on Russian surveys and comparisons with other countries)]. *Vestnik obschbestvennogo mneniia*, no. 2 (108), pp. 53–65. (In Russ.).

Emel'ianova, T. P. (2006) *Konstruirovaniie sotsial'nykh predstavlenii v usloviakh transformatsii rossijskogo obschbestva* [The construction of social representations in conditions of Russian society transformation]. Moscow, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences. 400 p. (In Russ.).

Emel'ianova, T. P. and Drobysheva, T. V. (2013) *Obraz budushchego blagosostoianiiia v obydennom soznanii rossiian* [The image of future well-being in everyday consciousness of Russians]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 31, no. 5, pp. 25–41. (In Russ.).

Emel'ianova, T. P. and Drobysheva, T. V. (2014) *Iavliaetsia li bednost' sotsial'noi problemoi dlia rossiian: analiz materialov SMI i rezul'tatov massovykh oprosov naseleniia* [Is poverty a social problem for the Russians: the analysis of the materials and the results of the mass media polls]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 51–60. (In Russ.).

Zhuravlev, A. L. and Drobysheva, T. V. (2011) *Predstavleniia o bednom i bogatom cheloveke kak fenomen ekonomicheskogo soznaniia formiruushcheisia lichnosti* [Ideas of the poor and the rich as a phenomenon of economic consciousness of an emerging personality]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 32, no. 5, pp. 46–68. (In Russ.).

Muzdybaev, K. (2001) *Perezhivanie bednosti kak sotsial'noi neudachi: atributsiia otvetstvennosti, strategiiia sovladaniia i indikatorii deprivatsii* [The experience of poverty as a social failure: the attribution of responsibility, coping strategies and indicators of deprivation]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 4–25. (In Russ.).

Khashchenko, V. A. and Shibanova, E. S. (2005) *Predstavleniia o bogatstve i bednosti v razlichnykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviakh zhizni: regional'nyi aspekt* [Perceptions of wealth and poverty in different socio-economic conditions of life: the regional dimension]. *Problemy ekonomicheskoi psikhologii*. Moscow, Institute of psychology RAS, vol. 2, pp. 476–510. (In Russ.).

Iarmiev, M. Z. (2008) *Reprezentatsiia bednosti kak sotsial'noi problemy v rossiiskikh SMI* [The representation of poverty as a social problem in the Russian media]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 67–72. (In Russ.).

Submission date: 10.06.2015.

Емельянова Татьяна Петровна — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13. Тел.: +7 (495) 683-38-09. Эл. адрес: t_emelyanova@inbox.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН.

Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13. Тел.: +7 (495) 683-38-09. Эл. адрес: drobysheva@psychol.ras.ru

Emelyanova Tatiana Petrovna, Doctor of Psychology, Professor, Leading research fellow, Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 13 Yaroslavskaya St., 129366 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 683-38-09. E-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Drobysheva Tatyana Valerievna, Candidate of Psychology, Senior research fellow, Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 13 Yaroslavskaya St., 129366 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 683-38-09. E-mail: drobysheva@psychol.ras.ru